

Шмель летал-качался над густыми садовыми цветами, гудел тяжко и плавно. Садясь на сердечко и опуская в него дрожащий от возбуждения хоботок, две секунды тонко пищал. Затем мягко отваливал с прежним гудом.

Так минут пять кружевное полётное «у-уу» менялось на короткое седалищное «и-и».

Было забавно и странно. Брюшко жёлто-чёрное. Полосы цвета хмеля золотисто гладки, тёмные мохнатились; их чередование словно означало ту зеркальную нотную пересменку «у-у» на «и-и».

Десятилетний мальчик смотрел на шмеля; как отрывается от нектара, вожделённо подлетает к соседнему ростку; напившись, заглядывает за дом, возвращается и исчезает в сиянье чистых облаков.

Облака-барашки на самом деле пирожки. Поджаристые снизу, кремовые сверху. Все в размер, словно гретье на одной немислимой сковородке; на тёплом небесном поддоне.

Мальчишке казалось, что и сытый шмель правит к этим большим ласковым пирожкам-лодьям.

Ковылясто подошёл дед, от бездонной старости почти слепой.

Погладил внука по выгоревшим в соломую вихрам:

– Ну, куда смотришь?

– Вот шмелик летал. Красиво гудит, будто в два моторчика, толстый и тонкий.

– Ага, когда пьёт сладкую водичку, включает первую скорость, водососную, – качнул плоской головою дед. – И где он?

– А туда улетел, за овраг.

– Хм, – глянул, не видя, дед. – Знаешь, над тем оврагом я когда-то видал дерущийся еропланы.

– Какие дерущиеся?

– Ну, наш самолёт и немецкие. Когда прыгали на нашего, их вой тончал. Не как у шмелика, а шипящий. Заходили со сторон; но наш их сбил, сперва того, потом того.

– Здорово! Ты звезду на крыле разглядел?

– Нет, просто все наши казались светлыми, а немцевы чёрными. У них даже дым пошёл чёрный. А у нашего белый. Те утянули за горизонт и там взорвались. Взрывы злые. А наш пошёл прямо вниз. И звенел как твой шмелик. Скорость громадная, так не падают. Видно, правил в немецкие зенитки, они вон оттуда, со дна овражка, по нём стреляли. Может, они и сбили, а не те два.

– Дед, ты когда это видел?

– Да в зачатке августа сорок третьего. Мне восемнадцать, наши идут, моя деревня ещё под немцем. Через два дня её освободили и меня взяли с собой, гнать дальше. Сидел в танке...

Дед сказывал медленно, перекатывал во рту слова, расщеплял их будто крепкие орешки своими гнутыми, чёрными, как донный дубовый осколок, зубами. Внук знал его историю, но впитывал всё новые детали-зазубрины.

В сорок пятом пришла на деда похоронка; после того как под Кенигсбергом немцы обложили тройным кольцом-удавкой отставший танк с рваной гусеницей.

Дед опустил ствол к земле и сажил по вращенью башни, и вырыл снарядами круговой ров, положил возле того рва сотню немчуры, текущей кровью, словно размороженная клюква. А потом его ударило, и дед показывал мятую плешивую голову:

– Вишь, тут восемь сантиметров черепушки нету. Я два месяца лежал в госпитале без памяти, ни документов моих, ни номера части никто не знал, только маминно письмо, вот и послал какой-то командир похоронку, когда увидел битый мой танк. А я оклемался токо через год и вернулся, и бабка твоя тут голосила.

Дед ходил искать самолёт, не нашёл, всё перепахано снарядами да слабым послевоенным плужняком.

– Ну что, тракторил, папку твоего иногда ремнём шугал, чтобы без спросу в кабине рычаги не путал.

Кончив сказ, дед вслепую, но без ошибки ушёл по искристой тропке сада. Мальчик, именем Ростик, думно смотрел в небо, силясь понять, как это – самолё-

ты дерутся. Большие серебристые шмели, летящие высоко-высоко, тянущие ровный снежный след, нанизывающий облака и тучи. Но это нынешние самолёты, не те военные...

Он пришёл в домик, городской мальчишка, точащий каникулы на сдобной деревенской травке, достал пластилин и слепил из красного теста наш самолёт, из синего – два вражбых. Подвесил; они, размякшие, не хотели держаться на ниточке, гнули книзу хвосты и пропеллеры, сделанные из спичек. И Ростик забыл всё, лето кончилось.

Однако вспомнил, едва приехал снова и глянул на облака, которые плыли так же, хотя были совсем новые, потому что в детстве новое лето, да хоть и новая зима – это всегда новая жизнь. И мальчик вспышкой увидел воздушный бой; тот, какой нельзя увидеть детскому воображенью. Только если запомнить из лозунговых фильмов.

Но пластилиновые самолётики уже ловко висели на нитках, смотрели в цель твёрдо.

В пятнадцать лет прыщавый Ростик почуял в душе неясную мечту. На дежурный вопрос учительницы, кем станет, ответил: конечно, лётчиком. Половина класса говорила так. Это сейчас дети метят в бухгалтеры да в предприниматели.

Знобкое прокажённое слово предприниматель. Почему не сказать по-старому – купец. Или это ужасное – биз-нес-мэн. Почему опять же не купец. Или овечье радиодокладами скучное слово бухгалтер. Почему не счетовод. Нет, оно, будто отработанная промокашка, не ложится в словарь новомодного папуаса-подражателя.

Такие мысли ещё не приходили к юнцу. Он достиг мечты, поступил в авиаучилище. Но вредный наследственный изъян врачи внутри отыскивали; потаённый, странный. Сердце билось не так; может, чаще, может, не в разрешённый ритм.

Лишь трижды курсант Ростислав Павлов взлетел в байковое небо; пассажиром впереди инструктора. Увидел под собой облака, сверху вовсе не пирожки и не зефиры – от них веяло сырой прохладой, дрожащей тягучей истомой.

Училище оставил трудно, как первую любовь. Деда Семёна давно схоронили. Ростислав работал в городе, окончил строитель-

кум, но влачил себя в автосервисе. По праздникам наезжал в деревню к отцу, всё более похожему на деда, но ещё бодрому, любящему, как все старцы, поругать насущность, поучить сына.

А сын ходил в распадок. Тот порос ароматными берёзами и среди них никакого самолёта и никаких его бугорков-рытвин, хоть бы эфемерно-пластилиновых.

Но однажды по вешним водам кислый овраг вымыл из себя некий древесный взмылок. Гладкий, крепкий, вовсе не набухший. Рост угадал, что перед ним кончик пропеллера. Маленький, меньше метра, расщеплен в торёчке – то был именно винт, именно от того самолёта.

II

Село Шумово ровное, как детская ладошка. Крест-накрест его пересекают пухлые взгорки, младенчески-зелёные тягуны. Дед говорил, что раньше тут не сидело ни одной рощицы. Сейчас боковые овраги и поля прочно захвачены мохнатыми ежачьими ельниками.

В селе полсотни домов, впятеро меньше довоенных; но по нынешним разорным временам немало. С магазинчиком-прищепкой, пятактовой начальной школой. Прежде Рост проводил тут каждое лето, с детства забавлял его щуплый сосед Максим, теперь скромный местный забулдыжник, безработный, перебивающийся заказами на полушку.

А так он принципиальный лодырь. Сильно не опускается, хозяйство не расшатывает, у него рядом младшая и рослая сестра Валя, которую Рост в детстве считал отличным другом. Она, с боль-

шими отстранёнными глазами, как у лемура, замужем за жлобистым мужиком Тишкой, считающим себя кровным покровителем Максима, вечно устремлённого в себя.

Тишка не ведал, что он со своими ванильными речами и советами есть великая обуза, поскольку Максим, стойкий бессребреник с мистическим нравом, молча презирает мужа сестры.

Говорливый Тишка лез в приятели и к загадочному Ростиславу, но тот невозмутимо включил защитное биополе и за черту никого чужого не пускал. А нечужим остался лишь Максим.

Рост попросил его раздобыть простенький металлоискатель, да чтоб без огласки. Он знал, что Тишка промышляет гробокопательством, разрыл несколько немецких могил, снял с одного скелетистого пальца печатный перстень и надел на свой воров-

ской перст. Носит гордясь, не видя общего отвращения.

Тишка миноискатель дал, хотя нудно спрашивал, зачем и как. Максим честно ответил, мол, они с Ростом хотят поискать самолёт. Тихон усмехнулся, фикнул:

– Самолёт не продашь, обломков не обменяешь, на палец не насунешь.

Искатель походил на садовую лесочную бензокосилку, с истёсанным диском, но пищал вполне исправно, комарино; и Максим с Ростом обшарили плавный склон, дремотные ближние березняки.

Увидели пару незаметных окопов, даже бурый моток с острозубой, как у пираньи, спиралью Бруно, которая в войну конвенционно запрещалась, однако немцы ею опутывались.

Детектор молчал, недовольный, что его заставляют не то искать; он скучал по немецким черепам с золотыми зубами.

Так прошли неделя, другая; голубые подснежники сменились синими колокольчиками, те – жёлто-белыми ромашками на жёстких прогонистых стеблях.

Горбатенькие коростели-бегунки уступили мир столь же невидимым будоражливым соловьям, в марках зеленях вспиликала перепёлка; лето быстро, как после стартового пистолета, взгнало бег, солнце плавало травы, выжигая из них сок, манило жизнью – и заросшая до последнего пуштышного миллиметра земля томно откликнулась.

Не было удовольствия только Ростиславу с Максом.

И вдруг аппарат трепыхнул, точно испугался – и заверещал дрябко, спешно, как проспавший будильник. Парни запнулись, у обоих ёкнуло, они ветками поме-

тили края, где зов искателя приглушался.

Получилась площадка метров в тридцать по кругу, и значит, под землёй лежала никакая не бочка с колхозным соляром, а большое стальное чудище, то есть, самолёт.

Вздохмаченный Рост устало, почти безрадостно сказал:

– Ну всё. Теперь каждый выходной тут копаю или отпуск возьму. Давай вдвоём, если хочешь. Ребята надёжных позови, двух-трёх, кому хоть слегка интересно.

– Надо сообщить, куда следует, – забулдыжный Максим уродился законопослушным.

– Сегодня слетаю в военкомат и сельсовет.

– Чего там; роем прям сейчас. Коли что найдём, сразу и скажем. Тогда и помощь от власти будет, никуда не денутся.

Достали лопаты, ждуще валяющиеся в кустах, с черенками, пропахшими бездельем и тёплой надземной листвой. Корка-дернина шла плотная, корни трав пылливо уходили вглубь, сквозь тесную глину, к влажно-пепельным слоям.

Ребята тыкали в раскоп аппаратом и он своим вереском направлял поиск чуточку вбок – по линии паденья самолёта. Полутораметровая ямина тянула колодезным холодком, в ней уже можно прятаться от жары и не рвать азартную копку.

Где-то метрах в ста ближе к оврагу увидели давнюю Тишкину копань, тупо инкрустированную выложенными по краям блёкло-жёлтыми черепами. Насчитали дюжину. Точно, это немецкие зенитчики, боковой уклон ямы указывал в их сторону, видно, наш лётчик совсем маленько не дотянул до цели.

Вечером приволокся Тишка, несвежо постоял над свежим раскопом. Бормотал отрывистые, как плевки, фразы, совал пресловутый перстень, говоря, что в ероплане они не найдут такого добра, да и ероплана самого в яме наверняка нет.

Ростислав, спокойный нравом, не откликнулся, нехотя кивнул Максу, что нынче кончено, и

досадливо побрёл в одиночку к ручью, к дому.

Отпуск открылся, и работа шла ежедённо, с колкого рассвета до мягкого заката. Через неделю лопата удивлённо ткнулась в первую находку. Это было подмятое почти игрушечное шасси и висящий на нём срывок шины с надписью «Ярославский резиновый завод».

III

— Ну вот, задняя шассейка, — сказал Рост обыденным тоном, хотя его, как гончую в стойке, бил озноб возбуждения. — Пора к властям. Дальше без спросу нельзя.

Максим сверху торопко обфотографировал стену, всмотрелся в карликовый экран и петушино вскрикнул:

— Всюду круглые светлые пятнашки! Это выброс энергии, душа выплеснулась. Лётчик где-то внизу. Беги за разрешеньем.

Рост не глянул.

— Почисть шасси, я скоро вернусь.

Он пошёл в Шумовскую администрацию, где был старый добрый пьяница Иваныч, знакомо сидящий тут ещё с детских лет Ростислава, когда администрация звалась сельсоветом.

В те звонкие времена он, приятно фиолетовоносый, встречал шустрого кучерявенького мальчика одной и той же не требующей ответа фразой: «Что, Росток, папка водку пьёт?»

Тем выказывал высшее уважение, поскольку сам пил демонстративно и убеждённо. Это не мешало Иванычу успешно поспешать во всех мелких властных делах, честно им исполняемых.

Весть Ростислава о раскопе он принял с молчаливым восторгом. Протянул ладонь, привычно сучающую по стакану, торжественно пожал сбитые пальцы Роста:

— Поздравляю. Ты герой. Нашёл героя, молодец. Благодарность от всего нашего села, то бишь, поселения.

Полное имя его поста звучало: глава администрации Шумовского сельского поселения. Времена требуют казённого выверта, слова в простоте не скажи.

— Бумага будет какая, помощь с техникой? — спросил Рост, суча ногами от нетерпения.

— Какая помощь, бумага... Копай. Я в район сообщу, там тебе тоже благодарность скажут. Ты герой, ты лётчика... Наш самолёт?

— Да. Шина с названием завода. Но останки трогать без специалиста нельзя.

Иваныч пытливо глянул в окно. Стеснительно пролетавшая мимо сорока с новым изумрудным хвостом по молодости ему ничего путного не подсказала.

— Давай сходи в военкомат, наведи справку. Чего там, ты же не чёрный копатель, не зубы золотые ищешь. Дело благородное.

— Трактор бы какой, лопаточников пару, дядь Коль.

– Чего какой... Жатва на носу моём фиелётовом, все люди в царскую роспись, живая техника до гаечки вперечёт. Ковырай на здорье.

Иваныч снова пожал руку, вытянулся, глаза серебряно заблистали проникновенной водицей.

– К военкому-то загляни, объясни по формуляру. А я на совещаловке в районе про тебя скажу, скажу.

Ростистав с тем и ушёл. До райцентра Митрова пять километров, час ходьбы. Военком Быстров тоже, в общем-то, почти знакомый. Осанистый, но с лицом до того озабоченным, что оно казалось плачущим. Он так же протянул мозольную ладонь, похлопал по плечу, так же в торжестве, словно перед строем, выкрикнул:

– Благодарю! Благородное дело затеял, солдатское. Фронтовика нашёл, молодец! Работай. Помощь? Ну какая помощь, у меня весенний призыв до сих пор сочтется. Я спрошу, узнаю у начальства, только вот свободней стану. Останки? М-м... Ещё не известно, найдутся ли. А встретятся косточки, сложи аккуратненько, какой тут нужен особый специалист. Ты же благородным делом занят, постарайся с дружкой, да.

И обхватил руку, и взглянул, будто медаль вручил. Рост пожал плечами, вернулся к Максиму. Тот рассматривал шасси, уже чистое, но ломаное, с обрывком кукожливой шины.

– Куда его?

– Домой снесём, во дворе положим. Раз на трёх метрах лежало, лётчик будет ещё через три. Кабина, мотор... Ещё метров семь рыть. Руби осины в десять метров, лестницу сколотим.

Сколотили, неуклюже всунули в яму, что смахивала на узкий шучий зев. Озирались, скребли корявые стенки; ясно, что истребитель разлетелся при ударе, ничего целого не найдёшь.

Вывалился обросший сыпучей ржью прибор. Несмотря на курьезное прошлое, Рост не понял, что за штука без стрелок.

И тут Макс ковырнул из угрюмой стены сапог с костью внутри. Настоящий фронтовой, с двумя подковками спереди и на каблучке. И внутри же обрывок свёрнутой влажной газеты.

– Ага, – прошептал словно на рыбалке Рост. – Бросаем, сегодня полнёхонько. Тихо, тихо вынимай.

– Первый раз держу человечью кость, – Макс путался тонкими, почти мальчишечьими руками. – Глянь, в сапоге, надо ж...

Страничка, влипшая в голенище, сложена в восемь раз. Сырая, обречённо лежавшая столько лет в земле, шла стонущими клоками. Вполразворота её расстелили на солнце.

– А мосол к жару нельзя, сразу в пыль рассыплется. Ему надобно сохнуть медленно.

Положили кость и выпавшие из сапога обломочки ступни в фанерный короб, принесённый заранее для главных находок.

– Зароем его там в окопчике. Отсыпать будет легче.

Пока справились, газета подсохла. Нёс её Рост будто блюдо, боясь споткнуться. Следом Макс тащил сапог, подковками в ладонь, как странный бокал; чтоб кирзачные халявинки не оборвались. В другой руке обвыкшееся за день шасси.

Плыл дремотный июньский закат при уже умолкающих соловьях, сорвавших за месяц все свои тенорские голоса. Трели их под-

хрипывали, щёлки-перещёлкивания глохли во взрослой листве.

Дома газету попробовали развернуть, она распалась на клочки,

но стыковалась; и они разобрали дату: 26 июля 43 года, заголовки все про Орёл да Белгород, где вершилась судьба войны.

IV

Назавтра нашли лётчика. Его разбросало по этим подземным кубическим метрам, размыло многолетними подкожными ручьями, потому кости лежали разрозно.

– Сильно его закопало...

Максима немного кружило, пальцы вздрагивали, как с подросткового похмелья. Ростислав цепко следил, чтобы ни один фрагмент не обронить.

Отыскался второй лётчицкий сапог, вполовину сломанный, обрывков формы не виделось, она истлела в туман. Всё сложили в тот же короб, даже приборные доски, мятые в щепу.

– Надо дорыть до мотора, – уронил обессиленный, но азартный Ростислав. – Он там внизу.

– А почему мотор, зачем; мы лётчика уж нашли.

– На моторе номер. По нему легко узнать военную часть и фамилию пилота.

Максим плюнул на чёрные свои пальцы, выказывая готовность длить дело.

– Ага, ясно. Что хоть за самолёт?

– Скорее всего, ЛА-5, моноплан цельнодеревянной конструкции. Но не наверняка, крылья растрепало, всё разлетелось. Аппарат рубанулся круто. Части, как тот пропеллер, где-то случайно вымыты и уже снова замыты. Нужен мотор, мотор.

Копали в тесном проёме по одному, попеременно. Лето вошло в зенит, кукушка подавилась житным колосом. Птицы умолкли,

хлопотливо обучая слётков парить над счастьем.

Редкие, но густые дожди заливали яму, парни наладились черпать воду ведром, на верёвке вытаскивать. Ладони шли пузырями, и Максим позвал двух приятелей, они про копанья особо не болтали. Про останки вообще знал только Макс.

Вылезли скрюченные шмотья, на встирку белые, словно облитые молоком.

– Дюралевый обтекатель радиатора, – Рост тряхнул перепачканной гривой, обычно ухоженной, а ныне многодневно свалывшейся. – Тут, тут движок где-то.

И сверкнул миг, когда лопата упёрлась в тяжкое, незыблемое, словно приговор.

– Мотор...

Он торчал из дна ямы, вбок стены, литый забытьём, несчастный. Хоть громадно обкопан, вконец ковырнуть его не хватало сил. Полтора на полтора метра, а может, и боле.

Ростислав, высокий, но сейчас сгорбленно спотыкающийся, поспешил к Иванычу.

– Мотор нашли. Без тяги не встанешь.

– Ну молодец. А куда его денем?

– В музей какой. Или прям сюда, положим под твоей императорской вывеской.

– Тьфу, – раздумно сказал Иваныч, скребя засиделый бок. – Ладно, там фелмер завёлся, идём вдвоём. Меня одного он пошлёт. А ты

человек правильный и слегка нету-тошный. Скажешь ему, не уклонится. А в моём славном сельсовете, сам знаешь, давно колхоза и на понюх нету, и тракторов тожить.

Фермер вышел угрюмый, понятливый. Спрашивать ничего не стал, сел на чистого «Кировца» с витым грязным тросом назад, усадил с собой Роста и динозаврово изрыгнул:

– Показуй.

Въехали в склон, обвернули окопчики, две берёзы подвалили, чтоб ловчей подобраться к яме, спустили трос, долго искали-рыли спрятанный в стене моторный крюк, чтоб подцепить, дуже обвязывали и клинили его, потерявшего цвет.

Вскипел дождь, под рёв грома «Кировец» рванул – но остался на месте, только поднимал передние колёса-лапы, как рыжий таракан, пришипленный иголкой за зад.

Он, когда-то придуманный для тасканья баллистических ракет по тундре и тайге, был сейчас, казалось, приварен к этой ничтожной рытвине и к самой земной коре.

Мотор вылезал тяжело. Не как притворившаяся центром праздника, набивающая себе цену пробка шампанского – а как люто

упёршийся зверь, этакий железный барсучара с полтонны весом, обросший полувековой глиной-коростой.

Всё ж его с сырым пробочным чмоком выдрали, скопом перевернули на приладу, на стальной вскоробленный лист.

– Куда этого летуна? – мирно рыгнул взопревший, пахнувший соляром и бычатиной фермер.

– Ко мне во двор, – замедленно сказал сонный от перевозбуждения Максим. – Тебе он зачем, коровы не летают.

Там во дворе уже валялась горка приборов, кронштейнов и прочих обрывков вроде того первопробного апрельского пропеллера. И рядом гремуче лёг лист с мотором.

– Ну, где здесь номер? – спросил большеглазый, но подслеповатый, как и сестра, Максим.

– На раз-два-три, – ответил Рост тоже слегка судорожно.

Да, номер был. Его полдня тёрли наждаком, и когда на моторном брюхе проступили все цифры, Ростик впервые за лето просиял, чуть не со слезой обернулся к Максиму:

– Мы победили. Узнаем и про самолёт, и про лётчика.

V

С этим чувством победителя Рост разобрал все снимки, с датами, записями, положил в шершавую папку-непромокашку и двинул по инстанциям. Первым, конечно, явился к Иванычу.

Иваныч встретил с тем же деловитым выраженьем лица, с рукопожатием. Молча вытащил бутылку, кое-что записал и посоветовал опять идти к военкому.

Митровский военком Быстров тоже хранил прежнее плачущее лицо, так же пожал руку, записал фамилию Роста, деревню Шумово, уличное прозвище распадка. И сказал идти к облвоенкому.

Облвоенком спросил насчёт областной власти, услышал, что Рост туда пока не дошёл, сказал:

– Обязательно, обязательно. Ты герой, ты молодец. Останки наш-

ли, можно торжественно перезахоронить.

– Но надо сначала узнать, кто это. Узнать просто, по идентификации мотора. Где-то есть данные об этом. Конечно, не в областном архиве, а вот в центральном военном – наверняка.

– Так давай, езжай в центральный.

– Вы со своей стороны тоже могли бы сделать туда запрос. Я человек сбоку, а вы... Ну хоть с областной властью посоветуйтесь.

– Сам, сам. Чего я буду за тебя медали получать. Нашёл, молодец. Тебе и карту в руки. Всё-всё. А в область скажу. Как только фамилия героя будет известна, так тебе все почести. А у меня записано. Молодец, Ростислав Сергеевич. Записано, чем надо, поможем.

Чувство победы изошло летучим флёром. Будто занывающий зуб, вспухало недоуменье. Особенно, когда в облдуме на Роста скосились профессионально-озабоченно.

Ну вроде как на муху, присошавшуюся к виску аккурат во время сиденья в президиуме; и нельзя даже выражение лица менять, не то что отмахнуться. Надо значительно смотреть вперёд, привычно надув щёки, не тряхнувши лысиной, чтоб согнать эту глупую, идеологически не выдержанную тварь.

Получивши снимки, думец дал бумагу и попросил описать раскопки, на просьбу послать запрос в Москву согласно кивнул, но тоже рекомендовал съездить туда самому.

Рост вышел в окрепшей досаде, на другой день смотал в Москву, в

тот архив. «Неужели ещё в администрацию президента пошлют», – грустно усмехнулся, подходя к огромному, лягушисто-растопыренному дому, какими устлана столица. Сторона домов-гулливеров, чтобы каждый пришлый сознавал себя лилипутом.

В архиве сказали голосом трамвайного кондуктора, полупротянувшего тысячному пассажиру билет, но прежде требующего копейку без сдачи:

– Назовите номер документа, завтра мы его предоставим, вы можете им воспользоваться в нашем зале, скопировать за отдельную плату.

– Что за документ и номер? – опешил Ростислав. – У меня вот только номер двигателя самолётного. А ваших кодовых бумаг я и близко не могу назвать.

– Такой порядок.

И сразу толковать стало не о чем. Ни в какую администрацию президента его и не думали посылать – его просто послали на фиг. Автоматно, не повернув головы кочан.

Тупик, дальше соваться некуда – потому что просто некуда. И останки лётчика никому не нужны. Их спокойно захоронят в братской могиле, как неизвестные. И так далее, и тому подобное. Мотор? Его заберёт какой-нибудь музей. Если вообще заберёт.

В областном военном музее ещё накануне предупредили:

– У нас уже есть самолётный мотор, от ИЛа, год назад пионеры выкопали. Мы бы и ваш взяли, но тут десяток пушек стоит, и места не осталось.

Мотор уныло лежал посреди Максимова двора, с вычищенным номером, бесполезно записанным всеми – и в облдуме, и в районе.

Ростислав вернулся ошарашенный, словно клоп, спрыснутый заморской отравой. Все, кому он поведал о найденном самолёте, как будто слушали скучный рассказ об утреннем завтраке. Никто не выказывал равнодушия, потому что тема-таки благородная; согласно кивали, но врождённая кабинетная летаргия лезла из всех пористых ноздрей и зенок, и это было странно и страшно.

Максим успокаивал, сказал о сестре, которая давеча прогнала Тишку, что лежал вон там в лопухах совершенно растерзанный. Тишка скоро проспался, вылез, сел рядом с приятелями, стал бубнить про Валентину, про то, что предала, купилась на какую-то машину «Ока», на которой стыдно ездить, а его иномарку навороченную и видеть не хочет.

– Я её сейчас просто в овраг сюда спущу всеми колёсами кверху, – жухло бормотал потерянный жадина. – Моя тачка. И что ей, Вальке, надо? Водить захотела научиться, с таксистом спуталась. Это его «Ока» и есть. На неё смотреть нельзя, не то что ездить. Рост, я-то думал, Валька тебя всю жизнь любит. Глянь, а ты её святой считал. Такая, глянь, она у тебя – как Максим. Вежливая мечталка. А она на первого таксора районного запала. А ты ей самолёт копаешь. Я ей свою мерседеску давно предлагал...

Тишка был жалок в этом пустом бреду. Не хотел терять

сдобную жену, свою безответную даровую находку. Немецкий перстень торчал, как гнилой зуб, как громадная бородавка. Всё плохо.

Максим мигнул Росту, чтоб не злился на Тишку, на его глупое несчастье, так не похожее на мучения Роста. Самому Максиму одинаково зябко и за сестру, и за самолёт.

Он размышлял о старинной их дружбе. Ещё пятилетками они вчетвером барахтались в этом головастиковом ручье именем Нешумный, теперь отсчитали по тридцать годков, якобы узнали жизнь и все её подлые законы, которые не переделать. А они, те законы, вирусно множились, всё сильнее вгоняли в ступор.

– Никто нигде не хочет чужих хлопот, – глядя в слоистое косматое небо, заговорил тоже косматый (он сам себя стриг, да и то очень редко) Максим. – Почему люди друг дружку кусают? Потому как чужие. Всё по знакомству, только среди знакомых блюдётся закон чести и добра.

– Да нет, – обернулся Тишка. – Ближние ещё больше кусаются.

– Ага, учи. Знаешь, что один язык океанского синего кита больше, чем весь средний слон с хвостом и хоботью?

– Чего ты всё умничаешь, Макс? Язык... Ты лучше откорми себя, как Валька-слониха, а то и тебя с твоего же двора прогонит.

Соседи вяло ругались, а Рост туманно думал об училище авиаторов. Они меж собой так же незнакомы и так же равнодушны. Но от него не отмахнутся, в силу непостижимого профессионального братства.

В интернете нашёл адрес Армавирского училища. Написал о месяцах учёбы, рассказал историю с выкопанным лётчиком, с номерным движком и равнодушным архивом.

Откликнулись быстро. Товарищество у человека самое сильное движенье; товарищество служебное – тем более. И ответил, главное, человек из Питера, какой-то выпускник, работающий в питерской городской администрации. Учился в Армавире раньше, ему за сорок. Уже хороший пост, а где питерцы, там и москвичи. Он сказал, что послал сигнал представителю президента, отвечающему за этот округ. Вся история передана, тот обещал помощь.

Где-то через месяц Ростислава вызвали в облдуму. Встретил тот же, кто прежде предлагал Росту намарать заявление-объяснение в архив, заведомо зная, что ничего он в том архиве не добьётся.

Запомнившийся лицом-маской, аппаратчик поздоровался с тем же отсутствующим взглядом, с практически тем же виском, на который когда-то села муха.

Но сейчас муха другая. Не надо-едливая, а изумрудная, драгоценная, эфирная. Её нельзя прихлоп-

нуть, надо держать под ней голову благоговейно, чтоб невзначай не свалилась. Думец назвал Ростислава по имени-отчеству, вынул казённый пакет весь в чёрных штампах-орденах, тихо сказал:

– Распишитесь в получении документов.

Ростислав хотел разъяснений, но не спросил, внутренним зрением видя: случилось крутое.

Галстучный человек взял уже вскрытый пакет и выложил из него на стол кипу гладких бумаг. Ксерокопированных, с фотографиями, фамилией пилота, с местом-годом рождения, с названием части, полка, с надписью: «последний вылет 4 августа 43 года, с задания не вернулся, считается без вести пропавшим».

– Пропавший без вести, ёлыпалы, – буркнул Ростислав. – Он сбил двух немцев.

– Это установлено, – ласково сказал галстучный. – Вам помог наш сотрудник-историк. Он писал в архив письма с рассказом вашим и вашего деда. Свяжитесь с ним; а лётчик тем более почти уроженец нашей области, будем передавать останки родственникам, захороним в торжественную дату, со всеми воинскими почестями.

VII

Максим из редкого племени пофигистов-романтиков. В нём причудливо смешиваются цинизм и вера в жизнь. Его слова смешны, наивны, но точны. Он часто засыпает под радио. Слушая рекламу, где нахрапистая врачиха пулемётом тарабанит об эрективной дисфункции, вкусно повторяя это на разные лады и, естественно, предлагая

дорогущее лекарство, Максим говорит:

– Смотри, с каким злорадством выступает.

Следя, как француз Депардьё упражняется насчёт российского гражданства, бросает с сожаленьем:

– Едва небожитель спускается к толпе, толпа его мгновенно разрывает на части.

Благословляя Роста на хождение по инстанциям, Максим изрёк:

— Ты сделаешь. А вот москвачане всё сломают. И твою славу, случись она, себе приберут.

В принципе, слом почти приключился, если бы не помощь армавирцев, потом питерцев; то есть, когда включается неистребимый закон доброго знакомства.

Рассматривая портрет лётчика, мальчишки с чудным взором, ангельским личиком, снятым в дремучем сороковом году, Максим сказал благоговейно:

— Ему тут всего девятнадцать, лейтенантику. Сопляк моложе нас, шибко умных.

Ростислав сделал, что ему сказали, позвонил в Брянск администраторам, в карачевскую деревеньку, откуда родом обозначен лётчик, фамилию сверил. Колесо согласований крутилось быстро, без запинок.

Вдруг стали звонить Ростиславу местные мирные казаки с боевыми афганцами, всяческие военизированные друзья-организации. Поздравляли, предлагали вселенскую помощь, готовились подставить плечо.

Из Карачева пришла бумага, что отца героя давно нет, а вот

мать ушла из жизни лишь недавно и всё ждала сына. Поскольку сын пропал без вести, её не приняли в колхоз, не дали вспомоществования по старости. Без вести пропавший считался почти враг народа.

Дядья и братья лётчика Ловчикова разлетелись по стране, два племянника стали пилотами. Значит, от него никто не отрекался.

Карачевцы ничего не просили, кроме даты захоронения, чтоб им собраться вместе впервые за много лет. Услышать законно, что их родич вернулся из небытия.

Но править уже взялись большие конторы. Были, естественно, неестественные голосования, сдержанные межрайонные сборы, — потом Росту достойно сообщили о дате. В августе, в дни освобождения города.

Даты хорошо совпадали. На высшем праздничном уровне наши районные власти передадут карачевским останки и под оркестр захоронят.

Ростиславу под расписку вручили строгую пластиковую урну и предложили положить в неё останки. Они с Максимом пошли в овраг.

VIII

И тут их ждал чёрный пинок судьбы. Полузакопанной картонной коробки с мощами и сапогами у окопчиков не было. Колючий куст-чапежник поник листьями, словно из-под него вынули не картон, а его собственное сердце-корень.

Рост не понимал невиданного утекновения. Все ждут жирной точки, салютного знака яркой

истории, на фоне которой многие уже хотят купить себе славу.

Самые разные чиновно-выборные люди, месяц назад сверкающе отделявавшиеся горячими пожатиями и клятвенными обещаниями, теперь жаждут подержаться за знамя, если вообще не вырвать его из рук разлапистого Ростислава.

Но нужна коробка. Её украли, будто никчемушный лук с огорода.

Дар речи вернулся лишь через минуты. Липкое удушье мысли сменилось отчаянным прыжком в поиск — безоглядно, головой вниз, как в речной обрыв.

— Кто это может быть? — спросил Рост. — Не Тишка ли?

— Зачем ему?

— Ты кому говорил?

— Только тем, кто вынимал мотор. Да про заопку они не знают, она была вот тут в кустах, в овражке, в полустах метрах.

Пошли к административному владыке Иванычу. Тот знал о победе, встретил как высших государевых визитёров, однако при словах о пропаже опустил руки плетью. Ясно, что ему ничего не ясно.

— Был у меня участковый. Но он туда не лазил. Он чё-то спросил, да не про вас.

Милиционер жил в райцентре, то бишь совсем недалеко. Иваныч связался по телефону, участковый отвечал гонористо. В его лающих интонациях Рост безошибочно почувял, что этот дядёк что-то знает и чем-то повязан.

Они с Максимом примчались в Митров. Милиционер хотел вроде и им погробить, что-то заикнулся про «без разрешения», чем ещё больше засветил себя. А когда Рост сказал, что через неделю останки будут переданы нашим губернатором соседскому губернатору, и будут траурные бронетранспортёры, будет гимн, прощальный салют, участковый по фамилии Кожуряка полез всей кожей, сделался словно ошкуренный:

— Ну, поступил сигнал. Я просто доложил по инстанции.

— Кому?

— Военкому. Райвоенкому.

— Райвоенком Быстров в курсе.

Разговор как трескучая перестрелка.

— Поступил сигнал, что раскопки ведутся чёрными копателями. Я даже места не видел. Доложил по инстанции.

— Кому?

— Райвоенкому.

— Военком знал с первого дня. От меня. О самолёте. Я его держал в курсе. Не стыкуется у вас. Поедем к нему, сейчас же, — холодно зверея, сказал Рост, едва не взявши мусорка за шиворот.

Райотдел милиции сумрачно прислушивался к разговору в комнате участкового, готовясь при первом беспорядке выдернуть из штанов наручники, словно чеку из гранаты. Шедший малиновыми пятнами Кожуряка между тем сдался:

— Нет, я не нашему Быстрову сказал, его на месте не случилось. А сигнал тревожный, в соседний район сообщил. Тамошним военным ещё ближе, деревня-то ваша на границе районов.

— И что, останки у них?

— Не знаю. Его ребята без меня приехали и выкопали, значит, у них, видно.

— Когда это было? — поджарый Рост яростно лез в штыковую.

— Дней пять назад. Повторяю, поступил сигнал. Тут копателей знаешь сколько. Один Тишка ваш...

Участковый одёрнул мундир, сделался очень деловым:

— Звони тамошнему военкому. Да чего звонить, едь и забирай косточки, там они, точно.

Дело шло к вечеру, но ребята, предварительно звякнув-таки, рванули к соседям. Военком по фамилии Мелюсько ждал их, тоже весь в пятнах, но не малиновых, а серых. Он был и не такой, как Быстров, лицо у него вовсе не плачущее, а волевое; но сейчас как у пленного, поставленного к стенке.

— Нету мощей.
— Как нет?

— Их уже это... погребли.

Нутро Роста в который раз обовралось:

— Когда?

— Да вчера. В десяти километрах, в Курской области. Там хоронили найденных в округе неизвестных воинов. Братская могила совсем новая, чего вам горячиться. Все почести героям возданы.

— Как так можно? Почему так быстро? Наш военком знал о лётчике, и имя его мы нашли. Он теперь не неизвестный, он подвиг совершил.

Вопросы и слова бессмысленны, но Рост кидался на военкома грудью, отчаянно, почти в истерике.

У него была агония. Такого дикого исхода не ждал. Военком шёл испариной, из подмышек текли тёмные струи.

Оказалось, человек он честный.

— Ребята... Я вообще-то атеист, хоть это сейчас немодно. Да, участковый ваш звонил, бубнил про чёрных копателей, мои съездили, нашли вашу ямину и рядом подкопку с костями, привезли всю коробку, я её поставил вон туда, наверх на шкаф, под самый потолок.

Грузный военком, извинительно кивнув, рывком расстегнулся, вскочил, выхватил початую бутылку из тумбочки, опять просительно кивнул и залпом, прямо из горлышка заглотал водку почти целиком. Не закусывая, не садясь, дохнул, прислушался к себе и продолжил:

— Наутро мне дежурный говорит, мол, что там у тебя на чердаке всю ночь как бы цокало. Да пошли

вы, отвечаю, но следующая смена наутро опять, и уже испуганно: цокает, будто ходит! Тогда я снял вашу коробку, открыл, увидел в уголку сапоги. На каждом по две подковы. Это молодые так делали. На каблуке казённая подковка, а они сами ещё и на носок прибавляли вторую маленькую. Чтобы цокало форсисто, щеголисто. Отец-фронтовик рассказывал.

Военком допил водку тем же макарном, уже без вздоха и прислушиванья.

— И вот эти цоканья две ночи по чердаку шли, гулкие такие. Охрана отказывалась дежурить... Я повторяю, я почти атеист, но мне эта ведьмачья мистика...

— Уточните, пожалуйста, — лохматый Максим, сладко ведающий всё мистическое, не выдержал. — Цокали как на параде или как на клубных танцульках?

— Хрен их знает, но дежурный отказывался принимать ночной пост. А тут как раз курыне-соседи делали братское захоронение. Я и отдал...

— Без всякого акта? Без документов?

— Не, ну вот бумага. Останки неизвестного воина, и так дальше, по форме.

Рост забегал по кабинету, чуть не сбив ворсистым затылком низенькую лампочку.

— На них живые родичи больше полувека хотели взглянуть. Он ценой жизни двух мессеров сбил, и это только полмесяца как выяснилось.

— Ребятки, оно же цокало... — застонал Мелюсько. — Он же ходил по крыше, по чердаку. Как только я отдал эти косточки, так шаги кон-

чилились. Я сам с охранниками тут давеча сидел. Всё, герой упокоился, с честью предан земле.

Максим попросился на щелястый чердак, что-то там фотографировал, но никаких следов не нашёл. Лишь казённая пыль с несколькими папками, с никому не нужными штампами, к военному делу даже не относящимися, да две треснувшие плитки шифера.

Слез с лицом, похожим на скучный сухой репейник, кинул разочарованно:

– Дядя, там шиферины все в перьях.

– И что?

– А то, что какая-нибудь невоённообязанная сова три ночи у вас на чердаке терзала придушенную куропатину.

– Врёшь, – разинул рот военком. – Сова птица тихая.

– Она в полёте тихая. А клювом и когтями стучит будь здоров.

Мелюськин рот стал орудийным жерлом, из которого, как дымком после холостого выстрела, слабо тянуло водкой и кислым озарением.

– Ах они паразиты, – просипел военком в адрес своих бравых сторожевиков. – Это они вот здесь мои бутылки обнаружили.

– Как им козлиные копыта не причудились, – Максим не сдерживал раздраженья: долгожданная мистика снова растворилась в житейской бестолковке.

Рост оцепенело стоял, закрыл глаза. Кучерявинки на высоком затылке словно шевелились, будто задетая военкомовская лампочка таки подожгла их.

– Преступление, наше общее, – потерянно шептал. – Не вскрывать же братскую могилу. Что делать? Родственники об останках знают, губернаторы знают, газеты вот-вот растреляют, дата намечена. Все ждут от меня урны, а она пуста...

Х

Пустые мысли сыпучим песком забивали голову, гремуче взламывали виски.

– Коробку надо было прикопать дома, какой же я дурак.

– Ни один дурень никогда не осознаёт себя дурнем, это против природы, – утешающе буркнул Максим. – А коли хоть раз осознал, он уже не дурак.

– Ага, умничай, – отмахнулся Рост.

Военная комната косо плыла древним подбитым челном, и её холщёвые плакаты висели перед глазами мятым опавшим парусом.

Максим сомнамбулически рассматривал их, никчёмных – затем

вдруг спокойно, с расстановкой произнёс:

– Мы выкопали самые большие мослы, да и то не все. А боковые в стенках ямы. Их разбросало при взрыве. Найдём. У нас четыре дня. И столько же копателей соберём.

– Я дам своих, – сказал Мелюсько абсолютно трезво и умоляюще, как мальчик, просящийся на фронт.

– Нет, управимся. А то ещё нечистый другую каверзу устроит. Мы ведь прежде всего лезли к мотору, а косточки выбирали просто так... транзитом. И половины, небось, не собрали. Теперь выметем подчистую, пока дожди не ударили. С утра начнём.

– Всё-таки возьмите моих, – канючил Мелюсько.

– Вот что, – твёрдо ответил Рост. – Никому не говорите обо всём этом. Если высокое начальство узнает про такой скандал, полетят головы. И районная, и ваша, и участкового, и даже моя. Об этом узнает весь мир. Так что лучше своим служителям не говорите. Мы к вам не приезжали.

Военком податливо опустил бритую главу, шаря выпуклым глазом по собственным орденским планкам, – будто кошмарно представил, что гневный ветеранский трибунал их уже срывает перед уличным строем бабок. Рост смягчил тон, добавил:

– Это я говорю во имя родственников лётчика, они просто не выдержат нашего безумного разгильдяйства. Теперь главное найти несколько невскопанных останков.

Три дня односельцы ширили яму, расковыривали осколки, просыпали сквозь сито прежде вынутую землю, уже проросшую ненасытной травкой, нашли кисть, нашли стопу, матовые рёбрышки.

Случилась удача. Вынули из окслизлой стены парашют, упакованный. Внутри блеснуло оранжевое полотнище, целое, не сгнившее, аккуратисто сложенное.

Но сейчас не до него. Клали в урну останки, и просеянные, и вновь найденные. Максим фотографировал, бормоча, что светлых пятен уходящей к небесам души на снимках нет.

Ребята не слушали этот его обычный мистический угар. Про цоканье и соседа-военкома Максим с Ростом молчали. Мощей набралось не меньше прежних, мелкие, ломаные фаланги пальцев, ключицы, запястья. Всё сложили на восковую бумагу, в казённый ящик-урну.

Утром Ростислав отвёз урну в райсовет, так приказано областными органами. Ему ласково, как пионеру-отличнику, ответили, что передача через два дня. А следом торжественное захоронение.

– Вы приглашены на оба мероприятия, как самые почётные гости. На этом настаивают родственники, ну и, конечно, представители власти. Вам выдадут парадную поисковую форму. Сколько вас? Всем по размеру, прогладите к мероприятию сами.

Вот ещё одно словечко-тарантул: «мероприятие». Неистребимое, членистоногое.

– Мы гости к мероприятию, – в досаде бросил Макс. – Поторчим вместе с представителями. А я думал, это веха... Всё в жизни поменялось, кроме пистонных слов из протокольной казны.

– И кроме любви к отеческим гробам, – возразил Максим, чеша промытые в ручье лохмы. – И это уже не казёнщина. Так что успокойся, намыль свои мутузки, повысь кучерявость.

Шумовский ручей Нешумный принял Роста, окропил к терпению.

XI

Быстров обеими руками, словно штангистские блины, ожидающие спортивного рекорда, тяжело поднёс Росту горку сложенного камуфляжа, сказал гордо:

– Из военчасти прислали, специально тебе.

– Нас двое.

– Ну да. Двое в поле не воин. Давай одевай и приводи всех пяте-

рых. Пусть народ видит, какие в нашем районе парни боевые. Ты там скажи про это. Герои. Родственники-то будут?

– Там. Тут зачем, тут передача от власти к власти. А там будут.

Но приехала девчонка и сюда. Вся в золотых копеечках-конопущечках, назвалась дочкой того племянника, который после войны тоже на всю жизнь выбрал лётное дело. Речи были у Вечного огня, начальники выступали привычно. Военком, глава наш, глава ихний. Парадный марш перед ними, воинские флаги-стяги.

Рост говорить в общем-то умел, парадные речи звучат одинаково. Лишь не затяни, не утоми. Девчонка тоже сказала; без лишней судороги, затем отошла к Росту, глянула в глаза, будто какому архимандриту, и с детской картинкой лопотнула:

– Можно посмотреть место гибели моего дедушки?

– Да, – Рост обернулся к начальству, оно согласно кивнуло.

Поехали колонной, Максим указывал, конопатая девушка сидела с Ростом в военном «уазике», доверчиво прижавшись.

У взгорка ей дали венок. Продрались по скошенному полю, открылся свежий берёзовый крест, вкопанный вчера, не ошкуренный, тонкий и высокий.

Девчонка, пугливо изогнувшись, глянула в яму, зажмурилась, её отшатнуло обратно.

– Пока не засыпаем, там могут найтись ещё какие-то самолётные обломки. А парашют привезём уже послезавтра, перед захоронением. Он ваш. А са...

Хотел сказать про сапоги, но осёкся, защемило у Роста и голос, и душу. Заикаться про то нельзя, хотя доверчивый взгляд девчон-

ки, словно радарчик, ловил каждое движение парней.

Господи, с такой гнойной тайной он должен теперь жить. Тот курский герой теперь считался неизвестным; и сапоги, значит, тоже были неизвестными, несуществующими.

Хотя Мелюсько всего неделю назад чин по чину отдал их в сельский школьный музейчик близ той курской братской могилы.

– Спасибо, милые, – гостя осторожно обняла взрослых своих друзей, и от неё прынуло чистотой. – Вы самые родные, вы мои братья, понимаете это?

Земля жгла ноги калёной плитой, душа горела стыдом. А девчонка-золотинка льнула, смотрела на небо.

– Ничего, что место глухое; даже, может, лучше. Главное, небо осталось то же. Правда?

– Да, небо никогда не меняется, сколько лет ни пройди, – фанерно выдавил Ростислав. – Потом тут украсим, памятный знак поставим. Но сначала землю перепроверим. Приезжайте следующим летом.

На том кончилось. Через день все пятеро поехали на Брянщину. Рост предложил Вале, даже Тишке. Тот спешно отказался, а Валя молча смутилась.

Трое шумовских ребят, выдёргивавших мотор и недавно собиравших остатки косточек, а сейчас прочно молчащих, – согласились, конечно, играть роль до конца, покорно облачились в камуфляж. Они, совсем юнцы, тоже чуяли потустороннюю жуть не до конца понятной им истории.

Пятёрку пропустили вперёд, следом за родичами; сухо, но в тон скупому звучному действию трижды выстрелил караул, мягко прогремел бронетранспортёр, мед-

ленно подвёзший зелёные венки в алых лентах. Всё по уму.

Оранжевое полотно парашюта военные умело развернули, оно вполне сохранилось, сияло и осеняло округу. Затем его так же ловко, по десантной науке, сложили, строевым шагом поднесли Росту, чтобы он передал парашют родственникам героя.

Рост ёжился под преданными взорами чужих людей, считающих его кровным братом. Он в который раз сказал о своём деде, каким тот увидел бой, как на его глазах рухнули за горизонт два чёрных мессера и как лейтенант Ловчиков целил смертно упасть на вражьи зенитки, но не дотянул, вонзился во взгорок на полном форсажном лету.

Были фото, телевидение, газетки – они словно бы распинали Роста; однако лишь Максим заметил боль, бьющую из глаз друга.

Рост боялся смотреть в хрустальное личико девчонке, неотрывно державшей его под руку и глядевшей, как на драгоценного спасителя.

– Вы такой печальный, – с тревогой шепнула она.

– Просто необычно всё это, – глуховато отозвался он. – Смотрят, словно герой я, дурачок, а не ваш двадцатилетний дедушка. А мы все перед ним в неоплатном долгу.

Дежурная правильная фраза, но знало бы это милое существо, какой смысл вложил в неё Ростислав.

– Да, да... – поспешно согласилась она, – и вы сделали подвиг, по крайней мере, для меня, моих родных. Нет, для страны.

Тоже обычно, правильно.

Житейский шаблон нужен уже хотя бы потому, что не даёт хода ненормальности. Солнце тоже кружит по шаблону, и мы

вовсе не думаем, что сами кружим около него.

Вернувшись домой после этой кутерьмы, слыша, как сердце длит трепыханья, Рост прямиком шагнул к участковому Кожуряке.

– Выкладывай правду, – металлически сказал. – Почему звонил Мелюське? Наш военком, повторяю, всё знал; и ты, уверен, знал.

Кожуряка розово ужинал, чуть не пронёс огурец мимо розового рта, но тренированно попал:

– Говорю, Быстрова на месте не было. А сигнал серьёзный. Я и позвонил соседям.

– Не ври. История очень дурно пахнет, полетят посты и кресла. Я после сегодняшних мук уже ничего не боюсь, а ты о своей башке подумай.

– Чего ты хочешь, Ростислав Сергеевич? – Участковый оторвался-таки от сметанной крошки и встал, утираясь рукавом. – Какие муки?

– Из-за потерянности, почти униженности; тебе не понять. Хочу знать, кто тебя навёл. Больше ничего не надо. Неужели Тишка-гад?

– Да нет, Тишка ни при чём, – потупился хозяин. – Это... Не скажешь ему?

– Условия не ставь, хоть ты и власть. Скажу, не скажу, не твоё дело. Если и ножом в брюхо пырну, тебя не спрошу.

– Да ты что, брось.

– Брось – на авось. Мне с этой гнусной тайной дальше, может, и не жить, не выдержу... Ладно, фамилии твоей никому не назову, обещаю. Без обиняков – кто? Кроме Тишки некому.

Кожуряка резко скребанул щеку, словно гнилой брезент надорвал:

– Да этот... его наследник, премьерник. Ну, который отбил Тишкину жену, Вальку-то.

– Таксист с «Окой», что ли? Одутловатый такой?

– Да, он. Чего-то подозрел.

– Кого заподозрил? Тишку это-го, клеща перстнявого?

– Эх ты, Рост Ростович, ас-асович кучерявый. Валька-то, считай, не от Тишки ушла, а от тебя...

– Идиоты, – растерянно сбавил Ростислав. – Ничего у меня с Валеи не было никогда. Мы друзья по раннему детству, и всё.

– Лучше б было, не так бы тосковала девка. А вообще, не моё дело. Пришёл этот автомобилист благообразный... На Тишку гнал. Говорит, немцев накопал, теперь за наших взялся. Ухоронку, мол, сделал возле ямы. Про тебя ни слова, только про Тишку. Известно, счё-ты соперничьи. Окрошки хошь?

Рост махнул рукой.

– Про меня, не про меня... Тут от борта в угол. Все знали, что именно я копаю. Но почему ты к соседям позвонил?

Злая предосенняя муха со вжи-ком села на пахучую миску, без боязни слушая занятой людской спор.

– Ну, я ж не совсем лоханутый. Знал я, конечно, что наш военком с тобой в контакте.

– Наконец верю. Чем тебя автошник купил, чем покойный русский лётчик помешал?

– Да й... Не пойму. Вот и Тишка... Зуб золотой немцевый предлагал, раньше, до тебя ещё. Не нравится мне он.

Рост увидел, что какие-то цвет-ные делишки у Кожуряки по гро-бокопательству были. Перепада-ло ему. А от кого, не суть важно. Он ушёл, не прощаясь.

ХП

Ростислава донимали в горо-де, районе, деревне; разные болтушные знакомые да косноязыкие журналисты. Он говорил нехотя, отрывисто, боясь сронить лишнее.

Потом показалось, что о нём забыли, прошло несколько разных торжеств. Они лезли обыденной чередой, стирая предыдущие, что-бы быть стёртыми следующим. Только у Роста, да ещё, может, у Максима вся эта история зудела, как не вынутое пчелиное жало, сидела опухолью.

Потом явилась Валентина. Прокралась в сумерках, огородом. Зажала ему рот, обняла, прижа-лась тугой перинкой. Хоть при-шла, по её поспешным словам, не за поцелуями, а чтоб избавить от мук, о которых проведала от брата.

– Таксиста нет, тоже прогнала, как только стал грозить, что напишет во власть. Про курское захо-ронение.

– Тишка и участковый смолчат. Ничего, через время всё сой-дёт за легенду. Главное, чтобы брянские ребята попозже узнали. Может, вообще не узнают, хорошо бы. Тут вот письмо от девчонки той пришло...

– Ты её полюбил?

Спросила мирно, мимолётно, не снимая объятий.

– У меня для этого душа ослаб-ла. Я тайный преступник перед ней и другими... Чего таксор доби-вается?

– Говорит, справедливости хочет. Чтобы курскую могилу раскопали и останки соединили с брянскими. То есть, и там копать.

– Скажи ему, Мелюсько ещё тогда останки нам вернул, и мы их вместе с остатными в общей урне передали. И что его первого военком обещал привлечь; за навет.

– Никуда писать не будет, тихо переберется, опарыш. Просто ревнует; не к Тишке, а к тебе.

Рост наконец ответил на ласку, обхватил пухлые податливые плечи.

– Догадываюсь. Дурёха ты, Валя, сменяла шило на мыло.

– Куда деваться, если ты на меня никогда не глядел. Всё стюардесс высматривал. Выглядел хоть?

А сама прижималась, накрыла жгучими губами, и Рост удивлённо отметил, как хороша и горяча она, соседочка, которую за женщину никогда не считал, поскольку с четырёх лет они барахтались в мутноватой и угретой ямке ручья, наперегонки пытаясь поднырнуть под самое донышко.

Валя для него осталась той малышкой, и себя он с ней до сих пор таким чувствовал, голеньким мальцом со струйкой зачёрпнутого донного ила, стекавшего с губ на пузцо – что у него, что у неё.

Они тогда взахлёб смеялись, плюясь этими струйками друг на дружку, а Максим, постарше их на годок, отмывал обоих голышей, одинаково беззлобно шлёпая по попкам. И солнышком плыло над ними счастье, и ничего лучшего в их жизни, оказывается, потом не было.

– Брат говорит, ты меня лемуркой за глаза дразнишь. А мне приятно.

– Нет, лемур это он. А ты каспийская нерпа, у неё глаза такие же огромные и беззащитные.

Вошли в дом, надолго забылись.

– Знаешь, а ничего, что косточки покоятся в двух, даже в трёх местах, он же над всей землёй летал, – задумчиво шептала Валя, душистой подушечкой лёжа у Роста на плече.

– Вот как девчонке объяснить. Братом называет, просит рассказать и про дедушкин сорок третий, и про мои раскопки, и про себя.

– Как её зовут?

– Надя... Вроде бы.

– Не хитри, «вроде». Сестрица теперь у тебя есть; или, можно сказать, дочурка. Всё ей когда-то расскажешь, пусть годы пройдут. А до того я тебя от себя не отпущу. Ты мне по размеру, понял? По размеру сердца. И в городе с тобой буду, и здесь.

– Лады, милая моя нерпушка. Максим, надеюсь, не осудит.

– Он от радости прыгать станет. И сказочку мистическую про нас выдумает.

Через год повзрослевшая Надя приехала с грузовиком, забрала у Максима со двора авиамотор, укрыто провалявшийся столько месяцев.

– Как грузовичок добыла? Дорого, небось.

– Это мой. У меня небольшой бизнес.

– Ты прэд-прини-матель? – засмеялся Ростислав. – Зови себя купчишенькой.

Надя тоже засмеялась, конопущечки радостно запрыгали по девичьим щекам.

– Не приживётся снова. Ушло, как слово «похлёбка». Даром, что Сумароков злился на слово «суп»: «Безмозглый думает, язык российский туп. Похлёбка ли вкусняй, или вкусня суп?»

– А слово «лётчик» предложил Пришвин, вместо чужого «авиатор». Прижилось ещё как, – Рост

щёлкнул образованную Надю по облупленному носику.

Она знакомо прильнула и через плечо улыбнулась Вале. Ей всё тут виделось родным.

Ходили на склон, к новенькому дубовому – в память «цельнодеревянному» ЛА-5 специально выбрали дерево, а не металл – обелиску. Прикрепили шурупами фото, то самое, увеличенное с военного документа, другого не было.

Чуть ниже повесили привезённую чеканку, такой изящный белый самолётик.

Явился бритый Мелюсько, собирающийся в отставку.

– Как дела, цокнутый дядя? – приветствовал его Ростислав, когда Надя чуть отошла за ромашками.

– Да ездю к курянам, – благодарно подмигнул ещё более погрузневший военком. – Шефствовать помогаю над братской могилкой. Хорошо там, ухожено. Без всякого цоку.

Помедлил, крючковато осенил себя знаменем:

– Вот те крест.

Прилетевший из-под облаков полосатый шмель сел на обелиск и беззвучно поцеловал хоботком чеканный белый самолёт.